

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН
НУКУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ АЖИНИЯЗА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра русской филологии

КУРСОВАЯ РАБОТА

по истории русской литературы на тему:
«Эволюция жанра «хождения» в древнерусской литературе XII-XV века»

Выполнила
студентка 3 «а» курса: Палвашева Гулмира
Приняла: доц. Алламуратова Г.Ж.

НУКУС – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3 - 6
ГЛАВА I. «ХОЖДЕНИЕ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА КАК ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЖАНРА «ХОЖДЕНИЯ»	
«Хождение» Даниила, как памятник познавательного, нравственного и воспитательного характера.....	7 - 16
ГЛАВА II. «ХОЖДЕНИЕ В ЦАРЬГРАД» ДОБРЫНИ ЯДРЕЙКОВИЧА КАК ПАМЯТНИК XIII СТОЛЕТИЯ ЖАНРА «ХОЖДЕНИЯ»	
«Хождение в царьград», как схематический перечень константинопольских «святынь».....	17 - 19
ГЛАВА III. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина – особый вид жанра «хождения» древнерусской литературы XV века	
«Путешествие» Афанасия Никитина, как историко-литературный памятник	20 - 29
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	30 - 31
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	32-33

ВВЕДЕНИЕ

Тема данной курсовой работы является «Эволюция жанра «хождения» в древнерусской литературе XII-XV века». Исследованию жанровых особенностей древнерусских хождений за последние годы уделялось значительное внимание, в частности, в работах В. В. Кускова, Н. В. Водовозова, Д. С. Лихачева, О. А. Белоброва и многих других исследователей.

О. А. Белоброва пишет, что «подобные работы стали возможными на основе изучения и публикации текстов хождений, предпринимавшихся ещё в XIX веке, например, в серии томов «Православного Палестинского сборника» [8, с. 257]. Издание хождений в этом своеобразном корпусе сопровождалось, как правило, историко-филологическим комментарием и указателями имён, географических названий; придавалось большое значение выявлению исторических реалий, выделялись и легендарные элементы. К хождениям при этом обычно относились как к вполне достоверному источнику, и только. Обзор хождений позволил здесь в обобщённой форме охарактеризовать, бесспорно, литературные элементы этого рода письменных памятников, весьма распространённых среди русских средневековых книг, сборников: записи устных рассказов, легенды и чудеса, бродячие литературные сюжеты и тому подобное. Здесь же был предложен взгляд на древнерусские хождения как на устойчивый очерковый жанр, в котором немаловажное значение приобретает смешение достоверного и легендарного (иногда книжного, а порой устного происхождения). Справедливо отмечалась связь паломничеств с деловой письменностью, в частности со статейными списками русских послов. Хождения получили суммарную классификацию по трём группам: собственно паломничества на пути к святыням Востока, сказочные путешествия и светские хождения.

Итак, следует дать определение такому жанру древнерусской литературы, как «хождение» или «хождение». «Хождениями» в древнерусской литературе назывались произведения, в которых описывались путешествия-

паломничества в Палестину, Византию, страны Востока. Главной целью было поклонение христианским святыням в Вифлееме, Иерусалиме, Константинополе и в других восточнохристианских центрах. Хождения совершались как официальными представителями русской церкви, так и по собственной инициативе или обету паломников (их называли “калинами переходими”). Они жаждали увидеть место рождения Иисуса Христа, описанные в Евангелиях холмы, сады, здания, колодцы и т. д., пройти “крестный путь” Христа до Голгофы, посетить храм Гроба Господня. Подобные хождения совершались на протяжении всего средневековья; некоторые из путников сочетали благочестивые цели с торговыми и дипломатическими интересами.

Такие путешественники стали называться «паломниками» от слова «пальма». Побывавший в Палестине, приносил с собой пальмовую ветвь; паломников называли также каликами – от греческого названия обуви – калига, надеваемой путником. Эти путешествия-паломничества содействовали расширению и укреплению международных связей Киевской Руси, способствовали выработке национального самосознания.

Однако светская власть постаралась наложить на паломничество своё вето, когда оно стало приобретать массовый характер, нанося тем самым серьёзный ущерб княжеской экономике. Постепенно запрет распространился с мирян на монахов, которым предписывалось «не ногами искать спасения и бога», а неукоснительным исполнением своих обязанностей и обетов у себя дома.

Несколько позднее, начиная с XII века, церковные власти стали бороться с массовым паломничеством. Новгородский епископ Нифонт, указал даже на вред паломничества, объясняя его стремлением людей празднично жить, кормясь милостыней: «порозну ходяче ясти и пити».

Известно более семидесяти произведений, написанных в жанре «хождения», они составляли заметную часть в круге чтения Древней Руси. Среди «хождений» известны так называемые «путники» — краткие

указатели маршрутов, содержавшие только перечень пунктов, через которые пролегал путь паломника из Руси в Святую землю. Пример такого «путника» — «Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму»: «От великаго Новограда до Великих Лук 300 верьст, от Лук до Полоцка 180... от Царяграда Евксеньским (Черным) морем... и всего от великаго Новограда до Иерусалима 3420 верьст. Аминь». Но чаще всего хождения содержали не только описание маршрута, но и сведения географического и этнографического характера, а самое главное — личные впечатления паломников от увиденного (описания соборов, их росписи и утвари, богослужения и т. д.) и пересказ сюжетов Священного писания или апокрифических легенд, соотносимых с посещенными паломником достопримечательностями.

Самыми известными произведениями жанра «хождения» или «хождения» древнерусской литературы XII-XV веков являются: «Хождение» Игумена Даниила, написанное в XII веке, «Хождение в Царьград» Добрыни Ядрейковича, памятник XIII столетия, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, произведение XV века. Эти произведения и рассматриваются в данной курсовой работе.

Задача данной курсовой работы – проследить эволюцию жанра «хождения» в древнерусских произведениях XII-XV веков.

Цели исследования - проведение параллели между выбранными произведениями: «Хождение» Игумена Даниила, «Хождение в Царьград» Добрыни Ядрейковича, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, произвести их анализ, а самое главное проследить на примере данных памятников Древней Руси эволюцию жанра «хождения».

Источником фактического материала послужили три произведения древнерусской литературы: «Хождение» Игумена Даниила, «Хождение в Царьград» Добрыни Ядрейковича, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. В курсовой работе был использован критический материал таких

авторов, как Лихачёв Д. С., Гудзий Н. К., Кусков В. В., Водовозов Н. В., Белоброва О. А.

Курсовая работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. «ХОЖДЕНИЕ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА КАК ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЖАНРА «ХОЖДЕНИЯ»

«Хождение» Даниила, как памятник познавательного, нравственного и воспитательного характера

Древнейшим памятником и образцом нового жанра «путешествий» в древнерусской литературе является «Хождение Даниила». Это интересное произведение появилось одновременно с «Повестью временных лет» в начале XII века.

«Всем известно,- писал ещё Н. Г. Чернышевский, - что «хождение Даниила» один из замечательных памятников древнерусской литературы» [22, с. 571].

О самом Данииле мы знаем очень мало. Как отмечает О. В. Творогов: «Даниил был игуменом одного из русских монастырей, расположенного, как полагают, на Черниговщине» [15, с. 47]. Своё путешествие Даниил совершил в начале XII века: по некоторым историческим фактам, им упоминаемым, можно считать, что он находился в Палестине (точнее, в существовавшем на территории, отвоёванной у арабов крестоносцами, Иерусалимском королевстве) в 1106-1108 годах. По пути в Палестину Даниил посетил Константинополь, Эфес, остров Кипр.

Незадолго до прибытия Даниила в Палестину окончился первый крестовый поход, и королём вновь созданного Иерусалимского королевства был выбран в 1099 году Балдуин I. Но так как значительная часть палестины находилась в руках мусульман-сарацин, продолжавших враждовать с крестоносцами, то путешествовать по стране было далеко не безопасно. Однако Даниилу, как русскому игумену, прибывшему из могущественного государства, обе стороны старались оказывать внимание и покровительство. Поэтому Даниил часть своего пути совершил под охраной войск Балдуина I, а в других местах его провожал «старейшина срациньский с оружием». В «Хождении» Даниил неоднократно отмечает трудности путешествия по

стране, где происходит непрерывная война. «Страшную неудобь проходно есть,- пишет он об отдельных участках пути,- есть бо ту твердь велика и бить срацины в горе той; иже кто в мале дружине хоцеть проити, то не может проити» [12, с. 67].

«Даниил жил в монастыре святой Саввы (под Иерусалимом), но выезжал в различные районы королевства; был в городах Иерихоне, Вифлееме, Галилее, на Тивериадском озере», - указывает Д. С. Лихачёв [16, с.112]. Даниила сопровождал некий монах «стар денми и книжен велми», то есть начитанный и знающий.

В Палестине русский путешественник «поставил себя в глазах властей в положение выдающееся и почётное; он не раз упоминает, что видел много такого, чего не надеялся увидеть; его пускали туда, куда других не пускали», отмечает Петухов [15, с. 57] Действительно, из рассказа самого Даниила видно, что отношение к нему короля Балдуина и сарацинских властей было не такое, как к обычным паломникам. Так, желая посетить Галилею и Тивериадское озеро, куда путь был «тяжек вельми» и «страшен зело», Даниил обратился с просьбой к Иерусалимскому королю: «Княже-господине, поими мя с собою до Тивериадского моря, да бых видел тамо вся свята места». И король Балдуин, отправлявшийся в военный поход к Дамаску мимо Тивериадского озера, немедленно согласился. «И приряди мя ко отроком своим,- пишет Даниил.- Тогда аз с радостию великою наях под ся, и тако проидохом места та страшная с вои царьскими без страха и без пакости» [12, с. 68].

Ещё любопытнее другая встреча Даниила с иерусалимским королём, когда русский путешественник захотел поставить своё кандило (лампаду) над гробом господним. «Аз, худый, идох, - рассказывает Даниил,- к князю Балдвину и поклонихомся ему до земля; он же, видев мя поклонившася, и призва мя к себе с любовию и рече ми: «Что хоцещи, игумене рускый?» - познах бо мя добре и любяше мя вельми, якоже бяше мужь благ и смирен и не гордить ни мало. Аз же рекох ему: «Господине-княже, молюся тебе бога

ради и князей делма русских, хотел бых и аз поставити свое кандило над гробом господним за вся князи наша и за всю Русскую землю, за вся христиане Руския земля». И тогда же князь повеле ми поставити свое кандило, и с радостью посла со мною мужа своего лучшего к иконному Святого Воскресения и к тому, иже держит гроб господень» [12, с. 68].

Из этого рассказа видно, король Балдуин оказывал русскому игумену особое внимание, был для него всегда доступен, «познал добре и любляше вельми» его. Всё это свидетельствует о том, что в глазах иерусалимского короля Даниил не был простым паломником, а был официальным представителем древнерусского государства, в поддержку которого Балдуин был явно заинтересован. Поэтому в беседах с Даниилом Болдуин вёл себя просто, был «мужь благ и смирен, и не гордить ни мало», в то время как в отношении других лиц он, по словам Н. В. Водовозова, «был великолепным королём, окружённым величественной свитой рыцарей и слуг, въезжавшим в палестинские города величественный, важный по наружности и в разговоре, всегда облечённый в ниспадающую с плеч мантию, так что более казался епископом, чем мирским лицом» [9, с. 60].

Анализ текста «Хождения» даёт основание признать его автора постриженником Киево-Печерского монастыря, связи которого со Святополком известны. По-видимому, король Балдуин, оставшись после первого крестового похода с явно недостаточными силами в Иерусалимском королевстве, был заинтересован в политической, а может быть, и материальной поддержке со стороны древнерусского государства. Даниил мог иметь поручение вести от имени Святополка соответствующие переговоры. О секретной миссии Даниила могли подозревать и «сарацинские старейшины», оказавшие ему не меньшее внимание, чем король Балдуин, как уже было сказано.

Хотя Даниил путешествовал после окончательного разделения церкви в 1054 году на греко-православную и римско-католическую, видимо, политические задачи, стоявшие перед ним, обусловили вполне терпимое его

отношение к «латининам». Так, он ставит в заслугу «фряжскому епископу» обновление и хорошие отношения с католическим духовенством и вполне объективно пишет о том, что «фрязи почъстиша добра питьем и ядением и всем» как его самого, так и всех его спутников. Но тут же как православный игумен он подвергает сомнению чистоту «фряжской» веры и не без насмешки говорит о том, как во время богослужения «латини в велицем олтари начаша верещати свойскы» [12, с. 69]. Однако Даниила, как паломника, прежде всего интересовали святыни – достопримечательные места или памятники, которые церковная традиция связывала с именем Иисуса Христа или библейских персонажей. Он описывает водоём, у которого Христос исцелил «расслабленного», камень, на котором был водружён крест с распятым Христом, пещеру, где на «лавице» (скамье) лежало его тело после распятия, и так далее. При этом Даниил не только перечисляет и кратко пересказывает связанные с ними ветхозаветные и евангельские сюжеты, обнаруживая знакомство не только с каноническими библейскими книгами, но и с апокрифическими легендами.

Даниил в своих описаниях стремится быть точным, создаёт своего рода путеводитель для будущих паломников. Он указывает направление, по которому следует двигаться к тем или иным памятным местам, и весьма наглядно сообщает о расстоянии до них: «От камени того яко может дострелити добр стрелец», или: «И есмь от стены градныя яко довержет муж камением малым». Подробно описывает Даниил архитектурные сооружения, их убранство: церковь та, пишет он, «столпов же иматъ 8 облых (толстых) мраморяных, помощена же есть досками мрамора белаго»; «Храмина создана красно,- говорится о другом храме,- яко на столпи и с верхом исписана мусиеню» (покрыта мозаикой).

Однако, благоговейно осматривая «желанную ту землю и места святаа», где Христос «претерпе страсти нас ради грешных», Даниил не остаётся равнодушным и к природе Палестины. Встречаются описания хозяйственных угодий, земледелия, садоводства и промыслов. Он

восхищается плодородием её земли, на которой «родиться пшеница и ячмень изрядно: едину бо кадь всеяв и взятии 90 кадей», он описывает сады, где «овощная (фруктовые) дрeвеса многоплодовита – смокви (инжир), и агодиция, и масличие (маслины)». Даниила особенно интересует применение искусственного орошения, повышающего плодородие почвы. Описывая поля около Иерусалима, он отмечает, что «здесь финици стоят мнози висоци», что пшеница и ячмень рoдятся изрядно, урожай получается сам-90 и сам-100, много винограду, фруктовых («овощных») дрeвьев: смоковниц, маслин, рожков и дрoгoгo. Побывав в Самарии, Даниил не упустил заметить, что там «стоит тростие (тростник) велико по рекам, и фуницы(финики) мнози стрят по городищу тому, яко лес част. И львове мнози по рекам тем, в тростех ту рoждаются то бо есть место близ Иордани реки». Последнее замечание Даниила особенно интересно, он был последним путешественником, видевшим львов в Палестине. Позднее они были истреблены крестоносцами.

Любопытно описание реки Иордан, которую Даниил сравнивает с рекой Сновь (в Черниговщине): один берег Иордана «прикрут», дрoгoй «полог», течение быстрое, «вода же к рече (реке) Сновьстей: и вшире и вглубле и лукаво (извилисто) течет и быстро, якоже Сновь река». Описывая невысокие дрeвья, растущие на берегу Иордана, Даниил говорит, что они напоминают нашу вербу, а кустарник – лозу, но тут же спешит уточнить: «... но несть якоже наша лоза, некако аки силяжи (кизиль) подобно есть». Очевидно, русский игумен не преминул испить иорданской воды, после чего записал: «...вода же мутна велми и сладка пити, и несть сыти пиюще воду ту святую; ни с нея болеть, ни пакости во чреве человеку» [12, с. 69].

Заинтересовал Даниила и рыбный промысел в Палестине. Он пишет, что в Тивериданском озере водится много превосходной рыбы. Особенно же хороша рыба «образом же есть яко коропочь» (карповая рыба). Зато Мёртвое море, по его словам, «не имать в себе никако ни животины, ни рыбы, ни раков, ни сколии (раковые моллюски)». Но всё же и оно не лишено

хозяйственного значения: в нём добывают «смолу» (асфальт), которая «исходит из дна моря» и «лежит по берегу тому».

Стремится Даниил передать своим читателям и те чувства, которые испытывает всякий, подходя к Иерусалиму: это чувство «великой радости» и «слез пролития». Подробно описывает игумен путь к городским воротам мимо столпа Давидова, архитектуру и размеры храмов. Так, например, церковь Воскресения, пишет Даниил, «образом кругла, всямокачна (то есть со всех сторон покатая) и в дле и в преки (поперёк) имать же сажень 30» [12, с. 67]. А церковь Святая святых от Воскресения подальше, «яко дважды дострелити можеть». Эта церковь «дивно и хитро создана», украшена изнутри мозаикой и «красота ея несказанна есть; кругла образом создана; извну написано хитро и несказанна; стены ей избъены дъсками мраморными другаго мрамора...» Там же, отмечает игумен, был дом Соломонов, «сило было здание его и велико велми и зело красно. Мощен был есть мраморными дъсками и есть на комарах утвержен, и воды исполнен весь дом-от был» [12, с. 67].

Даниил не забыл осмотреть военные укрепления Иерусалима. Он побывал в башне Давида, куда не пускали никого из посторонних. «Дивен есть столп от, - рассказывает Даниил,- великим камнем сделан высоко вельми, на углы создан и весь есть черств (твёрд) и днероден (крупен), и камень уродился, посреде его воды в нём много. Двери же имать 5-ры железны и степеней имать 200, по нима же взыти горе, и жита в нём без числа лежит. И есть много тверд ко взятию, и то есть глава всему граду тому; и блюднуть его велми и не дадят влести никому же в онь лапъ (то есть без предосторожности). Мне же, худому, недостойному пригоди бог столп от святей, одва могох ввести с собою единого Издеслава».

Из этого описания видно, что Даниил неплохо разбирался в вопросах современной ему фортификации. Он говорит о высоте башни, её форме, плотности её стен, о запасах продовольствия и воды на случай осады. Указана им и стратегическое положение башни, господствующей над

городом, и на тщательную охрану её. Интересно, что Даниил постарался провести с собой в башню спутника, видимо, тоже понимавшего толк в военных укреплениях. Всё это подтверждает особый характер путешествия Даниила.

Скучно описывает Даниил свою жизнь в Палестине и быт Иерусалимского королевства. Он лишь вскользь говорит о горных дорогах, на которых путников поджидают разбойники-сарацины, отмечает, что в город Тивериаду он смог попасть лишь благодаря тому, примкнул к войску иерусалимского короля Балдуина. Относительно подробно рассказан лишь один эпизод. Во время богослужения король с почётом провёл Даниила через толпу паломников («разгнаша люди насилие, и створиша яко улицу... и тако могохом проити сквозе люди»), но эту честь Даниил приписал не себе, а уважению к Руси, которую он представляет. Даниил подчёркивает, что он ощущал себя в Палестине посланцем всей Русской земли, и выражает свою заботу о ней, разумеется, в естественных для паломника формах – возжигает лампы в храмах и «во всех местах святых», поручает «молиться за русских князей и княгинь, и детей их, за епископов и игуменов, бояр, детей своих духовных и за всех христиан Руси».

В. Л. Янин обратил внимание на следующий факт: Даниил, сообщая о «поминаниях» русских князей и бояр – всего им отслужено 90 литургий, называет лишь несколько княжеских имён. Исследователь реконструировал первоначальный вид этого перечня князей и установил, что для Даниила имел смысл и сам отбор имён, и даже последовательность, в которой они приведены: он называет девятерых князей, составлявших «ту верховную коалицию, которая решала общерусские дела и направляла политическое развитие государства». Даниил, заключает В. Л. Янин, «был русским игуменом в высоком понимании этого термина и, вспоминая князей, служил литургии за ту систему взаимоотношений, которая была разработана на княжеских съездах рубежа XI-XII вв., видя в ней средство от усобиц, разорения Русской земли и братоубийственных войн» [23, с.130].

Хотя Даниил принадлежал к господствовавшему феодальному классу, в своей книге он выступает, прежде всего, как русский патриот, защитник идеи единства Русской земли. Находясь далеко за пределами родины, он никогда не забывает о ней. Вот почему он с полным правом мог заявить в послесловии к своей книге: «ни детей моих духовных, ни всех христиан николи же не забывал есмь».

Большое место в «Хождении» занимают легенды, которые Даниил либо слышал во время своего путешествия, либо вычитал в письменных источниках. Он легко совмещает в своём сознании каноническое писание и апокрифы. Так, Даниил с полной убеждённости пишет о том, что вне стены церкви Воскресения за алтарём есть «пуп земли», а в 12 сажнях от него находилось распятие, где стоит превышающий высоту копья камень с отверстием глубиной в локоть; в это отверстие и был вставлен крест, на котором распяли Христа. Под этим же камнем лежит голова Адама, и, когда Христа распяли, камень треснул и кровь Христа омыла голову Адама, то есть все грехи человеческого рода. Достоверность данного «факта» Даниил торопится подкрепить чисто летописным приёмом: «И есть разселина та на камени том и до днешняго дни». Приведённая Даниилом апокрифическая легенда иллюстрировала христианский догмат искупительной жертвы Христа и была закреплена древнерусской живописью.

Язык «Хождения» простой, ясный, близкий к летописям, а не к церковной литературе XII века. Он предельно лаконичен. Даже палестинский пейзаж в «Хождении» изображается с деловой точки зрения: «грозно и безводно есть то и сухо», «дебрь камена и страшна», «лес велик и част» и та далее.

Но иногда Даниил оставляет деловую манеру описания и создаёт картины большой впечатляющей силы. Таково, например, описание им пасхальной заутрени в церкви Гроба господня в Иерусалиме: «в 6 час дне собираются вси людие пред церковь святого воскресения, бесчисленное множество народа, от всех стран пришелци и тоземци, и от Вавилона, и от

Египта, и от всех концы земли ту ся собирають в ть день несказанно множество... и велика теснота и толчение люте людем ту бывает; мнози бо человеци ту задыхаются от тесноты людий бесчисленных; и ти людие вси стоят с свещами не вожжеными и ждуть отворения дверей церковных. Внутрь же церкви тогда токмо попове едине суть и ждуть попове и вси людые, дондеже прииде князь с дружиною; и тогда бывает отверзение дверем церковным и входят людие в церковь в тесноте велице и в гнетении и наполняют церковь ту и палати вси полны будут; не могут бо ся вместити вси людие в церковь ту, но ту стоять вне церкви людие мнози зело, около Голгофы и около Краниева места и до туда, идеже кресты налезены, и все то полно будет людей бещисла много множество. И ти люди вси в церкви и вне церкви иного не глаголют ничто же, но токмо «господи, помилуй!» зовут не ослабно и вопиют сильно, яко тутнати и гремети всему месту тому от вопля людий тех» [12, с. 70]. Не менее ярко передано сцена прихода короля Болдуина с дружиной, когда в сплошной толпе едва удаётся сделать небольшой проход, в которой вместе с королём попадает и сам Даниил. Эти картины так живо нарисованы Даниилом, что и спустя 850 лет они невольно возникают во всех подробностях перед глазами современного читателя.

Даниил был вполне образованным человеком своего времени. Он владел греческим языком, что позволило ему легко общаться с местным населением Палестины. В «Хождении» часто встречаются греческие слова, что придаёт особый лексический колорит всему произведению. Например: «метухия» - подгорье, «пентикостия» - день пятидесятый, «ксилажь» - кустарник и многие другие. Иногда же сам Даниил даёт перевод тем греческим словам, которые он употребляет в качестве имён собственных. Например: «имя месту тому Спудия, иже протолкуется тщание» (поспешность) или: «имя месту тому Каламонии, еже претолкуется доброе обиталище» и так далее.

Таким образом, можно считать, что далёкое путешествие Даниил предпринял, «понужен мыслию своею и нетерпением», желая видеть «святой

град Иерусалим и землю обетованную», и «любве ради святых мест сих исписах все, еже видех очима своима». Произведение Даниила написано «верных ради человек», он придавал своему «Хождению» не только познавательное, но и нравственное, воспитательное значение: его читатели – слушатели должны мысленно проделать то же путешествие и получить ту же пользу для души, что и сам путешественник.

Несмотря на то, что произведение написано в начале XII века, остается неясным вопрос, на который ищет уже давно ответ В. В. Данилов: «при каких обстоятельствах состоялось путешествие Даниила: упоминание его многочисленных спутников, нестеснённости его в деньгах и, наконец, те безусловные знаки уважения, которые оказывал Даниилу король Балдуин» [13, с. 83]. Всё это давало основание предположить, что Даниил в той или иной степени являлся представителем Русской земли, прибыл в Палестину с какими-то дипломатическими или церковно-организационными полномочиями, и, во всяком случае, не был рядовым паломником.

Богатое фактическими данными описание Палестины начала XII века давно уже привлекло внимание археологов к «Хождению». Точность, обстоятельность и достоверность в книге русского путешественника превосходят большинство как западных, так и восточных описаний Палестины того времени.

Популярность «Хождения» игумена Даниила в древнерусской письменности была исключительно велика, о чём свидетельствует хотя бы тот факт, что до нас дошло около сотни списков этого произведения.

Переведённое на многие языки «Хождение Даниила» прочно вошло в сокровищницу мировой литературы.

ГЛАВА II. «ХОЖДЕНИЕ В ЦАРЬГРАД» ДОБРЫНИ ЯДРЕЙКОВИЧА КАК ПАМЯТНИК XIII СТОЛЕТИЯ ЖАНРА «ХОЖДЕНИЯ»

«Хождение в царьград», как схематический перечень

константинопольских «святынь»

В первые годы XIII столетия появилось «Хождение в Царьград» новгородца Добрыни Ядрейковича (Андрейковича), ставшего позднее новгородским архиепископом.

Сведения о жизни новгородского архиепископа, к сожалению, не дошли до нас. В Новгородской I летописи под 1211 г. сообщается, что Добрыня Ядрейкович в 1200 году поехал в Константинополь привез из Царьграда (Константинополя) христианские святыни, затем был пострижен в монахи в Хутынском монастыре и стал архиепископом новгородским. В 1219 г. его сменил изгнанный прежде архиепископ Митрофан, а Добрыня Ядрейкович становится епископом в Перемышле. В 1225—1228 годах Добрыня Ядрейкович снова архиепископ новгородский. Но вскоре по болезни удаляется в Хутынский монастырь, где и умирает.

Произведение Даниила сравнительно отличается от произведения Добрыни Ядрейковича. В отличие от «Хождения Даниила», написанного в начале XII столетия, книга Добрыни Ядрейковича представляет собой, скорее простой схематический перечень константинопольских «святынь», чем связный рассказ о путешествии. Изложение книги также отличается краткостью и сухостью. Но, несмотря на всё это, «Хождение в Царьград» Добрыни Ядрейковича имеет большое значение для археологии и для истории древнерусской литературы.

Н. К. Гудзий утверждает, что Добрыня Ядрейкович побывал в Константинополе как раз накануне захвата его крестоносцами в 1204 году, то есть до того страшного опустошения, которому подвергли столицу Византии латинские рыцари [12, с. 230]. Поэтому сведения, находящиеся в «Хождении

в Царьград» Добрыни Ядрейковича, являются важнейшим источником по топографии Царьграда начала XIII века.

Книга Добрыни Ядрейковича свидетельствует о большом интересе русских средневековых читателей к центру восточного христианства и о постоянных культурных и политических связях древнерусского государства с Византией. Добрыня рассказывает о том, как в Софийском соборе он видел бережно сохраняемое большое золотое блюдо, на котором были преподнесены ценные подарки княгине Ольге от византийского императора и которые Ольга пожертвовала храму после своего крещения. Добрыня отметил также почитание русских святых Бориса и Глеба в Константинополе и записал рассказ о посольстве к русскому князю Роману Галицкому, в результате которого этот князь защитил границы Византии от напавших на них половцев. Добрыня не забыл также сообщить о смерти в столице Византии сосланного туда русского князя Бориса Полоцкого и княгини Ксении, жены Брячислава Борисовича.

Из кратких, но точных описаний Добрыни хорошо видно искусство, с которым греческое духовенство умело действовать на религиозное сознание верующих. Так, в Софийском соборе ему показали скрижали Моисеева закона и киот с манной, которую будто бы ели евреи в пустыне после выхода их из Египта. Ему показывали также пилы и свёрла, при помощи которых был сделан крест, на котором распяли Христа. Там же он видел мраморный камень от колодца, возле которого Христос беседовал с самарянкой. В золотых палатах дворца ему показали терновый венец, губку, гвозди, багряницу, копьё, трость и другие предметы страданий Христа. Он даже видел кусок лозы, посаженной Ноем после потопа. Нет необходимости перечислять всё множество «святынь», виденных Добрынею, которые он привез из Царьграда (Константинополя). Но, несомненно, на него, как на верующего, это произвело огромное впечатление. С большим воодушевлением описывает Добрыня торжественное богослужение в соборе. «Когда царь входит в церковь,- пишет Добрыня, - то перед ним несут много

ксилолоя, темьяна, кладут на уголя, и вся церковь наполняется благоуханием; в церкви раздаётся такое прекрасное пение, точно ангелы поют на небе, и стоящие перестают различать, где они находятся в церкви, или на небе, или в раю».

Своеобразным продолжением книги Добрыни Ядрейковича явилась «Повесть о взятии Царьграда фрягами (крестоносцами) в 1204 году».

«Хождение в Царьград» Добрыни Ядрейковича заслуженно признано одним из самых интересных и познавательных памятников XIII столетия.

ГЛАВА III. «ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА – ОСОБЫЙ ВИД ЖАНРА «ХОЖДЕНИЯ» ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XV ВЕКА

«Путешествие» Афанасия Никитина, как историко-литературный памятник

Выдающимся произведением конца XV века является «Хожение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина – памятник, стоящий особняком в древнерусской литературе. Своими внешними чертами этот памятник отчасти напоминал «хожения» по «святым землям», существовавшие уже с XII века, или описание путешествий на церковные соборы. Но путешествие Никитина было не паломничеством в христианскую землю, а поездкой по торговым делам в Индию и не могло рассматриваться как благочестивое дело.

Автор «Хожения» Афанасий Никитин был тверичом, но в своём сочинении он ни разу не обнаруживает своих областных интересов, вовсе даже не упоминает о Твери. Вспоминая на чужбине свою родину, он вспоминал Русь в целом, русскую землю. Интересы его были общерусские, и он мыслил себя прежде всего русским человеком. В этом отношении он разделял взгляды и чувства, которые больше всего характеризовали московскую литературу и московскую политическую мысль его времени. Сочинение Афанасия Никитина было доставлено в Москву и вошло не в тверские, а в московские летописные своды. Оно помещено под 1475 годом во второй Софийской летописи.

По роду занятий Афанасий Никитин был купцом. В XV веке, особенно во второй его половине, купечество уже играло заметную роль в русском государстве. Русское купечество непосредственно было заинтересовано централизацией государства, в ликвидации феодальной раздробленности Руси, мешавшей развитию торговли как внутри страны, так и за её пределами.

Насколько значительна была русская торговля за рубежом, можно судить потому, что в Кафе и Судак (Суроже) находилась в XV веке многочисленная русская колония, в которой русские купцы жили или постоянно, или проездом, так как из Крыма они отправлялись далее, в так называемое «Заморье», то есть в города малоазиатского побережья – Синоп и Трапезунд, откуда сухим путём они ехали в Брусу, в Токат, в Амасию. Правитель Амасии и Токката писал в то время, что «великого князя Ивана многие гости (купцы) в наш Токат ходят товары розныя возячи» [20, с. 89]. Русские купцы ездили в Шемаху, Персию и Среднюю Азию, покупая там главным образом шёлк, жемчуг, называвшийся тогда на Руси «гурмызским зерном» (по острову Ормузу, где он добывался), и пряности: перец, шафран, ганджубас, мускус, а также краски, которыми славились восточные страны. Предметами вывоза из Руси были по преимуществу меха, так называемая «мягкая рухлядь», затем воск, мёд, кожи, холсты и охотничьи птицы – соколы и кречеты.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда в 1466 году в Москву прибыло посольство от Ширван-шаха Ферух-Ясара, владельца Шемахи, этим обстоятельством воспользовались предприимчивые русские купцы, чтобы организовать торговый караван и под охраной ответного посольства московского правительства поехать со своими товарами в Шемаху. «Головою» этого каравана был выбран наш великий путешественник и выдающийся русский писатель XV века Афанасий Никитин. По дороге не доезжая до Астрахани, одно судно Афанасий было взято в плен татарами, другое разбилось. Свой путь до Каспийского моря он вынужден был продолжать на судне шемахинского посла, а затем сухим путём, через Дербент и Баку, отправился в Персию и потом в Индию, где посетил города Чивиль, Джуннар, Бедер, Парват. На обратном пути, не доезжая Смоленска, Афанасий умер. Путешествие его продолжалось с 1466 по 1472.

По-видимому, до своего путешествия в Индию Афанасий Никитин уже поездил по белому свету. По крайней мере, перечисляя в своей книге виденные им страны, он упоминает Грузию, Подолию и Валахию. Если в Грузии он мог побывать мимоходом во время путешествия в Индию, то в Подолии и Валахии, находящихся в стороне от его последних странствий, он мог быть только во время какого-то другого своего путешествия. По некоторым намёкам в его книге можно предположить, что до своего путешествия в Индию он побывал также в Константинополе, вероятно, ещё до захвата города турками в 1453 году.

Следовательно, Афанасий Никитин, отправляясь в 1466 году в далёкое путешествие, не был новичком в этом деле, и избрание его «головой» каравана являлось признанием его авторитета среди русского купечества. Возможно, что и московские власти, давая ему охранную грамоту для проезда с посольством, делали это потому, что Афанасий Никитин был небезызвестным для них человеком. Только наличием предварительной договорённости между Афанасием Никитиным и дьяками московского великого князя можно объяснить на первый взгляд загадочный факт внесения «Хождения» Афанасия Никитина в такой официальный государственный документ, каким в XV веке была русская летопись.

«Хождение за три моря» Никитина было совершенно неофициальным памятником; оно было, благодаря этому, лишено традиционных черт, характерных для церковной или официальной литературы. С «хожениями» и «паломниками» предшествующих веков его связывали только немногие особенности: перечисления географических пунктов с указаниями расстояний между ними, указание на богатство той или иной страны. В целом же «Хождение» Никитина было путевым дневником, записками о его приключениях, рассказывая о которых автор ещё и понятия не имел, как они окончатся: «Уже проидоша (прошли) 2 великыа дни (Пасхи) в бесеременьской земле, а христианства не оставих; далее бог ведаеть, что будеть... Пути не знаю, иже камо (куда) поиду из Гундустана...».

Впоследствии Никитин все-таки направился на Русь и нашёл путь «из Гундустана», но и здесь запись его странствий точно следует за ходом путешествия и обрывается на прибытии в Кафу (Феодосию).

Записывая свои впечатления на чужбине, тверской купец, вероятно, надеялся, что его «Хождение» когда-нибудь прочтут «братья русьстии християне»; опасаясь недружественных глаз, он записывал наиболее рискованные мысли не по-русски. Но все эти читатели предвиделись им в будущем, может быть, после смерти (как и случилось). Пока же Никитин просто записывал то, что он действительно ощущал: «И тут есть Индийская страна, и люди ходят все наги... А детей у них много, а мужики и жонки все нагы, а все черныя: аз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку...» [20, с. 89].

Попавший в чужую страну, тверской купец далеко не всё понимал в окружающей обстановке. Как и большинство людей, оказавшихся за рубежом, он был готов видеть в любом, даже в самом необычном случае проявление своеобразных местных обычаев. О некотором легковерии автора свидетельствуют его рассказы о птице «гукук», испускающей изо рта огонь, и об обезьяне – «князе обезьянском», у которой есть своё войско и которая посылает многочисленную рать на своих противников.

Но там, где Афанасий Никитин опирался не на рассказы своих собеседников, а на собственные наблюдения, взгляд его оказывался верным и трезвым. Индия, увиденная Никитиным, – страна далёкая, с особой природой и своими обычаями, но по устройству такая же, как и все известные русскому путешественнику земли: «А земля людна вельми (очень многолюдна), а сельскыя люды голы вельми, а бояре сильны добре и пышны вельми». Никитин ясно осознал разницу между завоевателями – «бесерменами» и основным населением – «гундустанцами». Заметил он и то, что мусульманский хан «ездит на людях», хотя «слонов у него и коний много добрых», а «гундустанци все пешеходы... а все наги да босы». Бесправный чужестранец, обиженный «бесерменским» ханом, Никитин сообщил

«индеям», что он «не бесерменин»; он не без гордости отметил, что «индеи», тщательно скрывающие свою повседневную жизнь от мусульман, от него, Афанасия, не стали «крыти ни в чем, ни о естве, ни о торговле, ни о намазу, ни о иных вещех, ни жен своих не учили крыти» [20, с. 90].

Однако, несмотря на его сочувствие «голым сельским людям» Индии, Никитину, естественно, было на чужбине тоскливо и одиноко. Тема тоски по родине, пожалуй, основная тема «Хождения». Тема эта присутствует не только в словах Никитина о том, что на свете нет страны, подобной русской земле. Чувство родины обостряется на чужбине, и хотя на Руси много непорядков, ему дорога его отчизна, и он восклицает: «Русская земля, да будет богом хранима!.. На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость!» (это замечание было изложено на всякий случай по-тюркски). Никитин бранит «псов бесермен», уверивших его, что в Индии «много нашего товару», и побудивших совершить это трудное путешествие, жалуется на дороговизну: «А жити в Гиндустане, ино вся собина (наличные средства) исхарчити, занеже у них все дорого: один есми человек, ино по полутретья алтына харчу идеть на день, а вина есми не пивал...». Главная беда, более всего угнетавшая Никитина, - это отдаление от родного языка и от веры, которая для него была неразрывно связана с привычным бытом. Угнетали Никитина не только прямые попытки обратить его в мусульманскую веру, но и невозможность соблюдать обычаи родины на чужбине: «А со мною нет ничего, никакое книги, а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, ини их взяли...» Тюркский язык, которым пользовался Никитин в Индии, постепенно начал вытеснять из его памяти родной язык. Особенно выразительны в этом отношении те «помышления», в которые впал Никитин после того, как один из его «бесерменских» собеседников сказал ему, что он не кажется «бесерменом», но не знает и христианства: «Аз же в многыя помышления впадох и рекох в себе: горе мне окоянному, яко от пути истинного заблудихся... Господи Боже

вседержителю, творец небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко в скорби есмь... Господи мой, олло переводигерь, олло ты, карим олло, рагим олло, карим олло, регимелло (по-арабски: спаси меня, господи, боже мой, челом бьёт)...» [20, с. 89]. Последние связи с родной землёй обрываются: начав с обращения христианскому богу, Никитин (может быть, незаметно для самого себя) переходит на мусульманскую молитву.

В. В. Кусков утверждает, что Афанасий Никитин был вполне образованный человек, он хорошо знал книжную традицию средневековья, но в своей книге он почти не прибегает к цитированию средневековья и цитированию библейских текстов [6, с. 186]. Зато он свободно пользуется конструкцией разговорной речи, строя повествовательно-описательную часть своей книги на основе простых предложений, соединяемых повторяющимися союзами «а», «да» или начинающихся с глагола настоящего времени «есть». Например: «а голова не покрыта... а волосы в одну косу плетены...», «а детей у них много». Или: «да на них ученены городки, да в городке по 12 человек в доспесех, да все с пушками, да стрелами...» Или: «есть у них одно место...», «есть в том алянде...», «есть хоросанец» и так далее.

Высокое литературное мастерство в книги Афанасия Никитина заключается в том, что она открывает собой новую страницу в истории русского литературного языка. Афанасий Никитин как писатель создал свою собственную литературную манеру, свой особый, неповторимый литературный стиль. И это стало возможным потому, что он первый смело обратился к живой образности русского разговорного языка своего времени. Так, например, рассказывая об ограблении русских купцов татарами, он выразительно скажет, что татары отпустили ограбленных купцов «голыми головами». Описывая свой приезд в Индию, он отметит: «яз куды хожу, ино за мною людей много, дивятся белому человеку» [20, с. 91].

Наряду с этим Афанасий Никитин не боится вводить в свою речь сугубо деловые обороты официальных документов московских приказов, видимо также хорошо знакомых ему. Он кратко, например, пишет: «бил есми

челом... чтобы ся пчеловал о людех...» Особый локальный колорит речи Афанасия Никитина достигался умелым введением в текст его книги иноязычных слов: тюркских, арабских и персидских. Что он делал это намеренно, в литературных целях, а не потому, что за долгие годы странствований привык думать на языке той страны, где он в то время находился, видно из даваемых им тут же пояснений и переводов. Например, приводя слова арабской и персидской молитвы «олло бервогыдирь, олло конькар, бизим башы мудна насип болмышьты», он тут же сам переводит её: «а по-русски и языком молвят: боже осподарю, боже, боже вышний, царю небесный, zde нам судил еси погыбнути» [20, с. 91].

В. П. Адрианова-Перетц справедливо отмечает, что «обилие автобиографического элемента в «Хожении» Афанасия Никитина – в виде рассказов о событиях его жизни в пути и в форме лирических эпизодов – выделяет эти путевые записки из всей литературы путешествий русского средневековья. Но в то же время именно эта особенность связывает Никитина с новыми течениями в биографических жанрах русской литературы XV века. Интерес к внутреннему миру героя, анализ его душевных переживаний врывается именно в XV веке в традиционную форму «жития» и исторического рассказа, личность самого автора вопреки традициям прошлого проявляется перед читателями главным образом в виде лирических отступлений, нравоучительных сентенций и оценок изображаемых фактов. Рамки чисто эпического повествования раздвигаются, давая место выражению эмоций и размышлений и героя и автора. Афанасий Никитин предстаёт перед нами писателем своего времени, когда он и эпическую ткань путевых записок расцвечивает и оживляет рассказами о своих впечатлениях, настроениях, обращениями к читателям-современникам с нравоучительными предостережениями, сравнительными оценками своего, родного и чужого» [1, с. 94].

Всё это делает книгу Афанасия Никитина одним из самых замечательных памятников русской средневековой литературы. Нельзя не

согласиться с её оценкой, данной академиком И. Срезневским, ещё 100 лет тому назад писавшим: «Записки Никитина о странствиях по Персии и Индии в 1466-1472 годах памятник в своём роде и для своего времени... в такой же мере единственный и важный, как «Слово о полку Игореве».

Больше всего в своём сочинении путешественник говорит об Индии, быт, обычаи, хозяйственную жизнь и природу которой он рисует очень подробно, сообщая много реальных сведений, но иногда, впрочем, привнося в своё описание и элементы фантастики. Так, его поражает «чёрный» цвет кожи местных жителей, их одежда: «... люди ходят наги все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены». Особенно странным и необычным для русского человека был вид «простоволосых» замужних женщин. Ведь для русской женщины «опростоволоситься» - раскрыть свои волосы – было величайшим позором. Не едят индийцы «никоторого мяса», а едят днем дважды, а ночью не едят и не пьют вина. В пищу употребляют «брынец» (рис) да «кичири» (морковь) с маслом, да «травы розныя едят». Перед приёмом пищи омывают руки, ноги и прополаскивают рот. Едят правую рукою, а ложки и ножа не знают. Во время еды многие накрываются покрывалом, чтобы их никто не видел.

Столь же подробно он перечисляет все места, которые посетил, точно указывая время пребывания в них и определяя расстояние между ними по количеству дней, затраченных на передвижение от одного пункта к другому. Изложение Афанасия не отличается стройностью композиции; в этом изложении, кроме того, нередки повторения. Стил «Хождения» - стил дневниковых записей, которые автор, человек, не получивший специальной выучки, не сумел или не успел упорядочить.

Русского купца привлекает ежегодный грандиозный базар, проводимый близ Бедера. На этот базар съезжается «вся страна Индейская торговати», «да тргуютъ 10 дний», всякий товар свозят. С места на место Афанасий странствует по Индии в торговых заботах. Но торговля идёт плохо; Никитин ищет товаров «на нашу землю» и ничего не находит: «Мене залгали псы

бессермена,- жалуется он,- а сказывали всего много нашего товару, ано нет ничего на нашу землю... перец да краска - то дешёво: ино возят аче морем, иные нам провезти пошлины не дадут, и пошлины много, а разбойников на море много» [20, с. 92].

Интересует русского путешественника вооружение индийского войска и техника ведения боя. Однако он с осуждением говорит о бессмысленности и пагубности войн.

Отмечает Афанасий и особенности климата Индии: «...зима у них стала с троицына дни», а всюду вода, да грязь и тогда пашут и сеют пшеницу, просо, горох и всё съестное. Весна же наступает с Покрова дня, когда на Руси начинаются первые зазимки. Поражает Никитина, что в Индии «кони ся не родят», а родятся волы да буйволы.

Афанасий в сентябре 1472 года достиг Трапезунда, его под предлогом, что он прибыл из орды Узун-Гасана, подвергли обыску и ограбили начисто. Однако Афанасию Никитину удалось договориться с корабельщиками о переезде в крымский город Кафу (Феодосию), где он обязался уплатить за проезд. Осенние штормы задержали корабль, на котором плыл русский путешественник на родину. Только шестого ноября 1472 года он смог высадиться на берег в Кафе и там в русской колонии услышать родную речь и завершить свою работу над книгой «Хождение за три моря».

«Путешествие» заканчивается лирическим размышлением автора: «После многих помышлений я опечалился и сказал себе: горе мне, окаянному. Я сбился с истинного пути и не знаю, куда пойду. Господи боже, вседержитель, творец и неба и земли, не отврати лица от раба твоего, так как я тварь ходящая, создание твое. Не отврати меня от истинного пути и наставь на правый путь».

Любопытно, что молитва, написанная Афанасием в подлиннике на традиционном церковном языке, прерывается у него магометанской молитвой на арабском языке, и такой же молитвой заканчивается «Хождение».

Из Кафы Афанасий Никитин выехал, вероятно, обычным путём того времени: к пристани Олешке, находившееся в низовье Днепра. Откуда по Днепру отправился к Смоленску, не доезжая которого где-то скончался. Русские люди, среди которых умер Афанасий Никитин сумели оценить значение его книги. Она была бережно отправлена в Москву, где её сразу же переписали в летопись. Великий труд русского путешественника не погиб.

«Путешествие» Афанасия Никитина, будучи произведением очень ценным с точки зрения историко-археологической, представляет и немалую ценность историко-литературную как своего рода предвестник очерковой литературы как показатель высокого культурного уровня русского человека.

Написанные для себя записи Никитина представляют собой один из наиболее индивидуальных памятников Древней Руси: мы знаем Афанасия Никитина, представляем его личность несравненно лучше, чем личность большинства русских писателей с древнейших времён до XVII века. Автобиографичность и лиричность «Хожения за три моря», передающего душевные переживания и настроения автора, были новыми чертами в древнерусской литературе, характерными именно для XV века. Личный характер «Хожения», способность его автора раскрыть для нас своё душевное состояние, свой внутренний мир – всеми этими чертами дневник Афанасия Никитина перекликается с величайшими памятниками древнерусской литературы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемая курсовая работа содержит исследование эволюции жанра «хождения» на примере памятников древнерусской литературы XII-XV веков. Предоставленный материал показывает: каким образом, при каких обстоятельствах и для чего жанр «хождения» появился в древнерусской литературе.

Как уже было сказано, «хождениями» в древнерусской литературе назывались произведения, в которых описывались путешествия-паломничества в Палестину, Византию, страны Востока. Главной целью было поклонение христианским святыням в Вифлееме, Иерусалиме, Константинополе и в других восточнохристианских центрах. Хождения совершались как официальными представителями русской церкви, так и по собственной инициативе или обету паломников (их называли «калинами переходими»). Они жаждали увидеть место рождения Иисуса Христа, описанные в Евангелиях холмы, сады, здания, колодцы и т. д., пройти «крестный путь» Христа до Голгофы, посетить храм Гроба Господня. Подобные хождения совершались на протяжении всего средневековья; некоторые из путников сочетали благочестивые цели с торговыми и дипломатическими интересами. Однако светская власть постаралась наложить на паломничество своё вето, когда оно стало приобретать массовый характер, нанося тем самым серьёзный ущерб княжеской экономике. Постепенно запрет распространился с мирян на монахов, которым предписывалось «не ногами искать спасения и бога», а неукоснительным исполнением своих обязанностей и обетов у себя дома. Несколько позднее, начиная с XII века, церковные власти стали бороться с массовым паломничеством.

Так, Даниил, автор первого памятника жанра «хождения», написал в начале XII века своё «Хождение», одной из причин заставивших его написать произведение, было желание удержать своих читателей от путешествия в Палестину. Также далёкое путешествие Даниил предпринял, «понужен

мыслию своею и нетерпением», желая видеть «святыи град Иерусалим и землю обетованную», и «любве ради святых мест сих исписах все, еже видех очима своима». Даниил придавал своему «Хождению» не только познавательное, но и нравственное, воспитательное значение: его читатели – слушатели должны мысленно проделать то же путешествие и получить ту же пользу для души, что и сам путешественник.

Таким образом, по этим причинам и стали возникать произведения жанра «хождения» в древнерусской литературе.

Ещё одно из наиболее интересных и известных произведений жанра «хождения» было написано, как уже отмечалось, в первые годы XIII столетия и автором был Добрыня Ядрейкович. «Хождение в Царьград» отличается от «Хождения Даниила», оно представляет собой скорее простой схематический перечень константинопольских «святынь», чем связанный рассказ о путешествии. Последний памятник жанра «хождения», рассматриваемый в данной курсовой работе, является «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Это произведение отличается от предыдущих «Хождений» уже тем, что в отличие от традиционного типа паломника, набожного церковника, как Даниил и Добрыня Ядрейкович, отправлявшиеся в «святую землю» с религиозными целями, Афанасий Никитин – человек светский, предприимчивый, энергичный купец – задумывает путешествие с чисто практическими, торговыми намерениями - выгодно продать там свои товары и на вырученные деньги привезти на Русь товары заморские. Но по иронии судьбы за ним следует одна неудача за другой.

Всем трём «хождениям» уделено в данной курсовой большое внимание и в каждой главе рассматривается один из памятников данного жанра. Исследуя три памятника древнерусской литературы XII-XV столетий, необходимо отметить, что традиция древнерусских «хождений» прошла длительный путь своего развития. На протяжении многих столетий не только возникали новые описания путешествий, но сам жанр «хождения» эволюционировал.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И.А. «Высококвалифицированные специалисты – стимул прогресса». - Т., 1995.
2. Каримов И.А «Узбекистан на пороге достижения независимости». - Т., 2011.
3. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего / Свое будущее мы строим своими руками. Т.7. - Ташкент: Ўзбекистон, 1999.
4. Национальная программа по подготовке кадров. - Т., 1998.
5. Закон об образовании Республики Узбекистан.- Т., 1998.
6. Каримов И. А. Нужно шире использовать возможности науки. Из выступления на встрече Академии наук Уз ССР от 28. ноября 1989 г.
7. Адрианова- Перетц. Древнерусская литература и фольклор. – М., 2004.
8. Белоброва О.А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. – Л.: "Наука", 1999.
9. Водовозов Н. В. История древней русской литературы. Летопись как жанр древнерусской литературы. М., 1999.
10. Галахов А. Д., История русской словесности древней и новой, изд. 3, т. I, М., 1894.
12. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI-XVII веков. М.-Л., 2006.
13. Данилов В.В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // Труды отдела древнерусской литературы. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 18.
14. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. - М., 1997.
15. Кусков В. В. История древнерусской литературы. Учебник для вузов. М.: Высшая школа, 2003.
16. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1999.
17. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979.

18. Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. - Л., 1996.
19. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. Серия "История языков народов Европы". – М., Изд.2/ 2006.
20. Срезневский И.И. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. Ученые записки второго отделения Академии Наук. Т. II. Вып. 2. СПб., 1856.
21. Успенский Б.А. 1) К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры; 2) Дуалистический характер русской духовной культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979.
22. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 3. - Л., 1971.
23. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. - М., 1956.
24. www.zionet.uz
25. www.eduportal.uz
26. www.search.uz